

ИРИНА МОНАХОВА

“ИСТОРИЯ ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ”

М. Ю. Лермонтов и В. Г. Белинский в контексте своего времени

“Герой нашего времени” стал первым психологическим романом в русской литературе. От пластичности, созерцательности, гармоничной уравновешенности Пушкина и Гоголя, когда писатель (поэт) словно смотрит на всё с вершины, Лермонтов переходит, как бы спускаясь с этой вершины, к подробному анализу нравственного состояния человека, положив начало традиции психологической прозы в русской литературе. Душа человека впервые предстаёт крупным планом и так ярко. Это было обусловлено не только своеобразием лермонтовского художественного дара, но и объективными факторами – с одной стороны, ходом развития литературы, её движением с вершин гармонии к пристальному взгляду на дисгармоничный внутренний мир человека, а с другой стороны – особенностью идейного и духовного развития общества в ту эпоху (в 30-е годы XIX века).

Этой особенностью было усиленное внимание к этическим вопросам. Это выразилось, в частности, в появлении литературно-философских кружков, которые собирали молодых учёных, поэтов, литераторов и представляли собой прообраз формирующейся интеллигенции. Интересы кружков в некоторых случаях были более политического характера (как в кружке А. И. Герцена и Н. П. Огарёва), а в некоторых случаях – более философско-эстетического (как, например, в кружке Н. В. Станкевича), но общим для них был поиск нового взгляда на всё происходящее, стремление найти ответ на главные вопросы бытия на основе самых последних достижений мировой философской мысли (в частности, идей Гегеля, Фихте, Шеллинга).

Кружки молодых философов и литераторов, находясь как бы на острие общественных настроений и идей того времени, уловили и ярко выразили своей деятельностью насущную потребность идейного развития общества на этом этапе, связанную с бурным развитием его самосознания, что во многом нашло выражение в художественной литературе. При этом скованность внешних условий в существовавшей тогда политической ситуации ещё более усиливала движение мысли к внутреннему миру человека, к осмыслению “вечных”

МОНАХОВА Ирина Рудольфовна — писатель, литературовед, член Союза писателей России. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Автор и составитель книг: “Бог и человек: путь навстречу” (М., 2000); “Н. В. Гоголь. Из писем. Что может доставить пользу душе” (М., 2006); “Истинный рыцарь духа. Статьи о жизни и творчестве В. Г. Белинского” (М., 2013) и др. Автор около 150 статей, опубликованных в научных и периодических изданиях: сборниках, журналах “Вопросы литературы”, “Наш современник”, “Москва”, “Нева”, “Московский журнал”, “Литературная учёба”, “Роман-журнал XXI век”, “Литература в школе” и др.

тем — о смысле жизни человека, бессмертии души, соотношении личности и общества.

Прежде всего, это относится к кружку Н. В. Станкевича, который оказал большое влияние на идейное и духовное развитие общества в целом и, конечно, всех его участников, среди которых был и Белинский. Его живой и пристальный интерес к философскому познанию и осмыслению жизни получил в кружке насущную почву для размышлений и собственного идейного развития, в центре которого были этические вопросы. С присущей ему страстью и увлечённостью он сосредоточился на этих вопросах — и прежде всего, в переписке. В его статьях они, конечно, тоже находили отражение, но не в таких масштабах (в том числе и по цензурным причинам). А главным средоточием его духовно-нравственных исканий стала его переписка, в которой характерный для того времени усиленный интерес к внутреннему миру человека и проблеме личности выразился, наверное, наиболее сильно, чем у кого бы то ни было из современников. В одном из писем он восклицал: “Меня теперь всего поглотила идея достоинства человеческой личности и её горькой участи — ужасное противоречие!”*; “Для меня теперь *человеческая личность* выше истории, выше общества, выше человечества. Это мысль и дума века!” (XI, 556).

Как подчёркивал В. В. Зеньковский, “с Белинским более чем с кем-нибудь другим, в развитии русского философского сознания связан принципиальный *этицизм*”, “особенно остро выдвигает он проблему личности и общества”, а “вопрос *метафизического обоснования персонализма* приобретает для него первостепенное значение”**. Собственно, в этом одна из причин того, что Белинский так упорно допытывался в письмах ответов на главные этические вопросы: это было важно для него и с философской точки зрения, и с точки зрения литератора, чьи литературно-критические статьи имели существенную философскую основу, и с точки зрения его непосредственного интереса как человека, по своему характеру очень тонко и сильно чувствующего не только свои, но и чужие несчастья и проблемы, не только драматизм своей собственной жизни, но и жизни любой другой личности. В одном из писем Белинский замечал: “У меня такая несчастная натура: истерзанный, убитый, исколесованный собственными горестями, я ещё могу терзаться и мучиться чужими” (XII, 37–38).

Помимо свойств его личности и его литературного дара, это объясняется ещё и тем, что рамки его практической деятельности (где присутствовала цензура), а также рамки самого литературно-критического жанра не позволяли выразить все волновавшие его вопросы и весь его талант, в котором были и поэтический пафос, и философская составляющая, а не только исследовательский и публицистический дар критика.

Таким образом, письма Белинского 30-х годов — это яркий и характерный выразитель общественных настроений, из которых в том числе возникла и проза Лермонтова. В то же время письма Белинского — это отражение той основы, на которой возникла проза Лермонтова. В этом качестве они в данном случае и рассматриваются — как характерное и, может быть, самое яркое воплощение интереса молодого поколения тех лет (образованной его части) к осмыслению этических вопросов и движения общества в целом — на важном этапе самосознания.

По замечанию Л. Я. Гинзбург, “ранние письма Белинского являются замечательным документом своеобразной психологической интроспекции, как бы материалом, непосредственно подготовляющим русский психологический роман. <...> Даже среди своих знаменитых сверстников Белинский уникален по напряжённости, по неутомимости нравственной жизни. <...> На протяжении нескольких лет Белинский сознательно создаёт ряд моделей epochального человека, — человека, в котором сосредоточилась умственная энергия исторического момента”***.

В откликах на произведение Лермонтова, в статьях и письмах Белинского особенно заметно, что они близки критику не только как образец высокохудожественного творчества, но и как выражение мыслей, чувств, воззрений его

* В. Г. Белинский. Полн. собр. соч.: В 13 тт. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953–1959. Т. XI. С. 558. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте.

** Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2011. С. 264, 261, 262.

*** Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977. С. 77, 110.

поколения. Например, в письме В. П. Боткину от 13 июня 1840 года он пишет: “В нас отразился один из самых тяжёлых моментов общества, силою отторгнутого от своей непосредственности и принуждённого тернистым путём идти к приобретению разумной непосредственности, к очеловечению. Положение истинно трагическое! В нём заключается причина того, что наши души походят на дома, построенные из кокор, — везде щели. Мы не можем шагу сделать без рефлексии, берёмся за кушанье с нерешимостью, боясь, что оно вредно. Что делать? Гибель частного в пользу общего — мировой закон. <...> Меня убило это зрелище общества, в котором действуют и играют роли подлцы и дюжинные посредственности, а все благородное и даровитое лежит в позорном бездействии на необитаемом острове. <...> Не тебя, а целое поколение обвиняю я в твоём лице. Отчего же европеец в страдании бросается в общественную деятельность и находит в ней выход из самого отчаяния? О горе, горе нам —

*И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.*

<...> Лермонтов великий поэт: он объектировал современное общество и его представителей” (XI, 526-527).

В письме К. С. Аксакову от 23 августа 1840 года:

“Мне всё кажется, что жизнь слишком ничтожна для того, чтобы стоило труда жить; а между тем и живёшь, и страдаешь, и любишь, и стремишься, и желаешь. <...> Так или иначе, только результат всё один и тот же:

*И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,
Такая пустая и глупая шутка.*

Да и какая наша жизнь-то ещё? В чём она, где она? Мы люди вне общества, потому что Россия не есть общество. У нас нет ни политической, ни религиозной, ни учёной, ни литературной жизни. Скука, апатия, томление в бесплодных порывах — вот наша жизнь” (XI, 546).

Белинский в письмах выразил стремление российского общества той эпохи к самосознанию, что в дальнейшем нашло выражение в литературе XIX века, в которой психологизм стал позже, в середине и второй половине этого столетия, центральным направлением и главной отличительной особенностью.

В биографиях Белинского и Лермонтова много общего. Они почти ровесники — Белинский на три года старше. В свои детские и юношеские годы они оба жили в Чембарском уезде Пензенской губернии — фактически по соседству: Белинский — в Чембаре, а Лермонтов — в находящихся неподалёку от него Тарханах (имени бабушки). Хотя они в этот период не были знакомы и не общались, но Лермонтов знал отца будущего критика — “доктора Бельнского” (бывшего единственным врачом на весь уезд), которого приглашали его лечить, если он заболел.

Белинский и Лермонтов одновременно учились в Московском университете и даже в один и тот же год (1832) досрочно покинули его: Белинский был отчислен, а Лермонтов ушёл “по собственному желанию” (правда, таких вольнодумных студентов, от которых университетское начальство стремилось так или иначе избавиться, в 1832-1833 годах набралось довольно много — более 60*). В университете они тоже не познакомились, так как учились на разных отделениях: Белинский — на словесном, а Лермонтов — на нравственно-политическом. Хотя в кружке Станкевича сам Лермонтов не участвовал, но наверняка знал о его существовании, по крайней мере, от одного из его участников — В. И. Красова, с которым он был в товарищеских отношениях в университетские годы.

Познакомились Белинский и Лермонтов лишь в 1837 году в Пятигорске, куда Белинский приехал летом на лечение и где в это время с той же целью находился и Лермонтов, уже прославившийся разошедшимся в списках стихотворением “Смерть Поэта”. Правда, эта их первая встреча оказалась весьма

* Литературное наследство. Т. 56. М., 1950. С. 398.

краткой и к взаимопониманию не привела. По воспоминаниям Н. М. Сатина, Лермонтов со свойственной ему некоторой задиристостью слишком пренебрежительно и насмешливо отозвался о Вольтере, после чего Белинский “в течение нескольких секунд посмотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты”^{*}.

Их знакомство возобновилось уже на новом уровне в Петербурге в конце 1830-х – начале 1840-х годов, когда Белинский стал сотрудничать с журналом “Отечественные записки”, а Лермонтов в это время в нём нередко печатался. В апреле 1840 года Белинский посетил поэта, находящегося под арестом в Ордонанс-гаузе за дуэль с Барантом. Произошедший тогда между ними долгий, душевный и содержательный разговор, основанный на взаимопонимании, – по существу, разговор единомышленников – произвёл на Белинского обнадёживающее и воодушевляющее впечатление, о чём он, в частности, рассказал в письме В. П. Боткину от 16–21 апреля 1840 года: “Вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь. Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура! <...> Печорин – это он сам, как есть. Я с ним спорил, и мне отраднo было видеть в его рассудочном, охлаждённом и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему – он улыбнулся и сказал: “Дай Бог!” (XI, 508–509).

По письмам Белинского видно, что восприятие им поэзии Лермонтова – это не просто восхищение, а очень близкое, какое-то родственное восприятие: как будто Лермонтов в поэзии высказал и лично его, Белинского, заветные и очень насущные мысли, и не просто мысли, но и боль, тревоги, надежды. То есть Белинский как будто находил в поэзии Лермонтова образное и очень точное выражение и своих размышлений и настроений.

Например, о его поэме “Демон” он писал в одном из писем: “Демон” сделался фактом моей жизни, я твержу его другим, твержу себе, в нём для меня – миры истин, чувств, красот” (XII, 86).

В другом письме Белинский цитирует строчки из этой поэмы как очень близкие и созвучные своему состоянию и настроению: “Опыт сорвал покров с жизни – и я увидел румяна на очаровательных щеках этого призрака, увидел, что об руку с ним идёт смерть и тление – противоречие. Она хороша для тех, для кого хороша, и только на то время, когда хороша. Для меня она никогда не была добра, и я бескорыстно курил ей фимиам, как Дон Кихот своей Дульцинее. <...> Теперь эти стихи Лермонтова – для меня то же, что для набожного мусульманина стихи из алкорана:

*Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты?” (XII, 38-39).*

В конце жизни, в одном из последних писем (К. Д. Кавелину от 7 декабря 1847 года), Белинский опять же находит созвучие своим мыслям и настроениям в стихах Лермонтова: “Иной раз, право, делается легко и весело от мысли, что жизнь – фантазмагория, что, как мы ни волнуемся, а придёт же время, когда и кости наши обратятся в пыль,

*И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь” (XII, 454).*

В то же время следует отметить, что речь идёт не о личном сходстве этих двух выдающихся людей, не о сходстве их характеров, их личных свойств, а о том, что они оба были одними из самых ярких выразителей характерной

^{*} В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 143.

особенности своего поколения (то есть образованной молодёжи 1830-х годов) – стремления к самосознанию, к познанию внутреннего мира человека, судьбы и места личности в современном обществе и вообще в мироздании, в вечности. Это всё главные мотивы не только лирики Лермонтова (что соответствует специфике самого этого жанра), но и его прозы.

Как в увеличительное стекло, он рассматривает свойства души человека и её мельчайшие, глубинные движения, подобно тому, как исследователь природы изучает строение и свойства материи. Собственно, в романе “Герой нашего времени” эта “идеология” кристального взгляда, прежде всего, на человека, на состояние и жизнь его души не только видна из текста этого произведения, но и прямо сформулирована там – в “Предисловии” к “Журналу Печорина”: “История души человеческой, – пишет Лермонтов, – хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление”^{*}.

Причём эта особенность свойственна в наибольшей степени именно этому сочинению Лермонтова – наиболее зрелому из его прозаических произведений и единственному законченному из них. То есть Лермонтов постепенно пришёл именно к такой тематике, такому стилю, такому пафосу, каковы они в “Герое нашего времени”, и именно этот предмет – “историю души” – счёл в итоге самым важным. Так, например, в романе “<Вадим>”, казалось бы, более яркая, значительная тема, связанная с историческими событиями и позволяющая создать более масштабную картину. Но тем не менее это произведение осталось незаконченным, и его тематика, стиль, художественный метод не стали тем новым словом, новым этапом в русской литературе, каким стал “Герой нашего времени” именно благодаря его подчёркнутому психологизму. Написанный лет на пять раньше его “<Вадим>” – сочинение скорее романтического, чем реалистического характера – мало напоминает его по стилю, языку и образному строю. Даже трудно представить, что автор обоих произведений – один и тот же человек.

Неоконченное сочинение “Княгиня Лиговская”, написанное за два-три года до “Героя нашего времени”, напоминает отчасти этот роман (здесь тоже показано светское общество, даже имена и фамилии главных героев здесь те же – Печорин, Лиговская), но и здесь ещё нет того Лермонтова, каким он стал в “Герое нашего времени”. В “Княгине Лиговской” нет ещё той исповедальной интонации, подчёркнутого психологизма, так же как и того своеобразного лермонтовского стиля, каким отличается “Герой нашего времени”, – лаконичности, афористичности, ёмкости слова, яркости образов и того, что Белинский называл “лермонтовским элементом”.

Таким образом, Лермонтов проделал за это время большой путь, стремясь найти именно ту тему, тот предмет для своего сочинения, которые позволят ему сказать самое важное о жизни, самое существенное, и одновременно найти свой взгляд на этот предмет, то есть тот художественный метод, который позволит наиболее ярко показать этот предмет. И то, и другое для него было связано именно с современностью, с сегодняшним днём – и предмет (это подчёркнуто названием: “Герой *нашего* времени”), и художественный метод – подчёркнутое внимание к внутреннему миру человека, что соответствовало духу времени. Именно это сделало прозу Лермонтова новаторской, открывшей новую страницу в русской литературе.

В частности, Белинский, отмечая в статье “Стихотворения М. Лермонтова” (1841), что “чем выше поэт, тем больше принадлежит он обществу, среди которого родился, тем теснее связано развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества” (IV, 502), так обозначает особенность той эпохи и человека того времени: “Наш век есть век сознания, философствующего духа, размышления, “рефлексии”. *Вопрос* – вот альфа и омега нашего времени. <...> Наш век есть век размышления. Поэтому рефлексия (размышление) есть законный элемент поэзии нашего времени, и почти все великие поэты нашего времени заплатили ему полную дань” (IV, 518–520).

В статье о “Герое нашего времени” (1840) Белинский также характеризует человека того времени: “Дух его созрел для новых чувств и новых дум,

^{*} Лермонтов М. Ю. Сочинения. М., 1990. Т. 2. С. 498.

сердце требует новой привязанности: *действительность* – вот сущность и характер всего этого нового. Он готов для него; но судьба ещё не даёт ему новых опытов, и, презирая старые, он всё-таки по ним же судит о жизни. Отсюда это безверие в действительность чувства и мысли, это охлаждение к жизни, в которой ему видится то оптический обман, то бессмысленное мелькание китайских теней. – Это переходное состояние духа, в котором для человека всё старое разрушено, а нового ещё нет, и в котором человек есть только возможность чего-то действительного в будущем и совершенный призрак в настоящем. Тут-то возникает в нём то, что на простом языке называется и “хандрою”, и “ипохондрией”, и “мнительностью”, и “сомнением”, и другими словами, далеко не выражающими сущности явления, и что на языке философском называется *рефлексией*” (IV, 253).

С этим связано, как отмечает Белинский в той же статье, и своеобразие романа и его героя: “Этот человек не равнодушно, не апатически несёт своё страдание: бешено гоняется он за жизнью, ища её повсюду; горько обвиняет он себя в своих заблуждениях. В нём неумолчно раздаются внутренние вопросы, тревожат его, мучат, и он в рефлексии ищет их разрешения: подсматривает каждое движение своего сердца, рассматривает каждую мысль свою. Он сделал из себя самый любопытный предмет своих наблюдений и, стараясь быть как можно искреннее в своей исповеди, не только откровенно признаётся в своих истинных недостатках, но ещё и выдумывает небывалые или ложно истолковывает самые естественные свои движения” (IV, 266).

В рецензии на “Героя нашего времени” (1840) Белинский также подчёркивает в качестве своеобразия этого произведения отражённый в нём “важный современный вопрос о внутреннем человеке” и новизну лермонтовской прозы: “В основной идее романа г. Лермонтова лежит важный современный вопрос о внутреннем человеке, вопрос, на который откликнутся все, и потому роман должен возбудить всеобщее внимание, весь интерес нашей публики. Глубокое чувство действительности, верный инстинкт истины, простота, художественная обрисовка характеров, богатство содержания, неотразимая прелесть изложения, поэтический язык, глубокое знание человеческого сердца и современного общества, широкость и смелость кисти, сила и могущество духа, роскошная фантазия, неисчерпаемое обилие эстетической жизни, самобытность и оригинальность – вот качества этого произведения, представляющего собою совершенно новый мир искусства” (IV, 146-147).

Хотя весь роман “Герой нашего времени” посвящён исследованию души человека, но больше всего эта особенность, конечно, проявилась в “Журнале Печорина”, особенно в главе “Княжна Мери”. Здесь “журнал” в наибольшей степени действительно приобретает характер очень личного дневника с почти ежедневными записями и “исповедальным” строем повествования. Собственно, обращение автора в этом романе к форме дневника уже само по себе подчёркивает его намерение создать портрет героя своего времени, прежде всего, путём выявления особенностей его души, а также и одну из особенностей “героя нашего времени” и, значит, и самого этого времени – пристальный взгляд человека на себя: и на свой внутренний мир, и на свои поступки, и на всю свою жизнь. Ведь в романе Лермонтова “журнал” “написан” самим героем. Вот несколько характерных отрывков из него, в которых самопознание героя с открытием порой “едких истин” и высказыванием “больше правды, нежели бы вы того желали” (по словам Лермонтова из предисловия к роману), представлено как процесс, происходящий сейчас, на глазах читателя, как путь героя и его поколения к осознанию себя:

“У меня врождённая страсть противоречить; целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку. Присутствие энтузиаста обдаёт меня крещенским холодом, и, я думаю, частые сношения с вялым флегматиком сделали бы из меня страстного мечтателя”*.

“Я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерение, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть всё огромное и многотрудное здание из хитростей и замыслов, – вот что я называю жизнью”**.

* Лермонтов М. Ю. Сочинения. М., 1990. Т. 2. С. 516.

** Лермонтов М. Ю. Сочинения. М., 1990. Т. 2. С. 548-549.

“Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и других?.. Я стал не способен к благородным порывам; я боюсь показаться смешным самому себе”.

“Пробегаю в памяти всё мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлёкся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел твёрд и холоден как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений — лучший цвет жизни. И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на голову обречённых жертв, часто без злобы, всегда без сожаления... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания — и никогда не мог насытиться. Так томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собою роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображения, и ему кажется легче; но только проснулся — мечта исчезает... остаётся удвоенный голод и отчаяние!”**.

Такое же усиленное внимание к этической тематике, к “истории души” и в переписке Белинского. В одном из писем он сетовал на то, что “только поэтам предоставлена завидная участь *вполне* высказывать себя, а нашему брату (критику. — И. М.) и то хорошо, коли удастся намекнуть” (XI, 266). Переписка была как раз той сферой жизни Белинского, где он смог, с одной стороны, полностью высказать себя, а с другой — исследовать в своих философских размышлениях проблему личности. Как известно, философский путь Белинского был сложным, а его идейное развитие — весьма стремительным. Но какие бы философские теории его ни увлекали, проблема личности неизменно оставалась в центре его внимания, и в этом было своеобразие Белинского-философа.

Причём размышления Белинского отличаются именно той искренностью, прямоотой, беспристрастностью, даже жесткостью во взгляде и на себя, и вообще на человека, — словом, теми свойствами, которые так ценил Лермонтов-рассказчик в “сочинении” Печорина — его “журнале”.

Вот несколько цитат из переписки Белинского (1830-х и начала 1840-х годов), которые хотя бы отчасти позволяют представить дух, настрой его размышлений:

“Я понял, что всякая ненависть, хотя бы то и ко злу, есть жизнь отрицательная, а всё отрицательное есть призрак, небытие, что мало любви к добру гораздо выше, нежели много ненависти ко злу. <...>

Уже не счастья, не блаженства, как прежде, а страдания прошу, желаю и ищу я себе. *Мыслить и страдать* — вот грустная и неполная жизнь, до какой я только способен возвыситься. Но я верю, что эту жизнь я *выстрадаю* себе полную и истинную жизнь духа” (XI, 187–192).

“Никто из нас не знает самого себя. Это *самосознание* есть удел действительности, а мы все идеальны, пошло идеальны, и, сверх того, отвлечённые. <...> Я ещё очень много глубоко почувствовал то, что недавно выговаривал как конечное определение рассудка. Но всё это ещё не то, чего надо. А надо действительности, которая бы могла удовлетворить” (XI, 262–263).

“Великая и страшная тайна — личность человека; я узнал это по себе в последнее время. Цель христианской религии есть возведение личности до общего, возвышение субъекта до субстанции. — “Приидите ко мне все обремененные и труждающиеся, аз упокою вы”, — говорит она, и в этих словах заключается вся важность, какую христианство даёт личности. Потому-то *прощение* и *неосуждение* предписывает оно как одно из главных своих оснований. Да, пока человек в сфере общего — я сужу его, я претендую знать его; но как скоро из сферы общего уходит он в сокровенные тайники своей индивидуальности — я могу о нём только скорбеть и молиться, могу его только прощать...” (XI, 353–354).

“Мне теперь ни до кого нет дела, я никого не люблю, ни в ком не принимаю участия, потому что для меня настало такое время, когда я увидел ясно,

* Лермонтов М. Ю. Сочинения. М., 1990. Т. 2. С. 557.

** Лермонтов М. Ю. Сочинения. М., 1990. Т. 2. С. 564.

что или мне надо стать тем, чем я должен быть, или отказаться от претензии на всякую жизнь, на всякое счастье. <...> Я теперь ещё больше понимаю, отчего на святой Руси так много пьяниц и почему у нас *сливаются с кругу* все умные, по общественному мнению, люди” (XI, 416).

Цитаты из писем Белинского показывают, что этическая проблематика (особенно состояние и судьба личности в обществе и в масштабе вечности) из года в год находилась в центре его внимания и была постоянно исследуемой им темой. В этом исследовании было два направления – это общие философские рассуждения и внимательный, строгий взгляд на внутренний мир – свой, своего близкого окружения, а порой и вообще своего современника.

Письма Белинского, отражая атмосферу напряжённого поиска ответов на “вечные” вопросы, которые в эпоху молодости Белинского и Лермонтова стали самыми злободневными вопросами, как бы показывают ту почву, из которой (в том числе) выросло своеобразие творчества Лермонтова. На это своеобразие, помимо его личных свойств и особенностей его поэтического дара, несомненно, повлияла и атмосфера той эпохи (1830-х годов), нашедшая яркое выражение в письмах Белинского.

Конечно, своеобразие его писем, о котором идёт речь, не ограничилось периодом 1830-х годов, но отчасти, уже в меньшей степени, продолжилось и в 1840-е годы, однако это было именно продолжение той тематики и того интереса, которые сформировались и так ярко проявились в 1830-е годы – в ту эпоху, когда формировалось и мировоззрение Лермонтова тоже, и когда определялись тематика, пафос и своеобразие его творчества.